

Андраш Золтан

К ВОПРОСУ О СЛАВЯНСКОМ ПЛАСТЕ ВЕНГЕРСКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ

Обсуждая вопрос о деятельности солунских братьев в Паннонии по случаю 1100-й годовщины смерти Мефодия, нельзя не остановиться на вопросе об отношении некоторых элементов христианской терминологии венгерского языка к кирилло-мефодиевской традиции. Правда, в нашем распоряжении нет никаких достоверных данных, которые свидетельствовали бы о том, что паннонские ученики Константина-Кирилла и Мефодия могли здесь продолжать дело своих учителей после гибели князя Коцеля. Наоборот, есть все основания полагать, что славянский литургический язык перестал функционировать в Паннонии уже до смерти Мефодия в 985 г., и, таким образом, не успел оказать никакого прямого влияния на язык венгров-язычников, овладевших этой территорией окончательно лишь в 900-м году. Если учесть, что массовое обращение венгров в христианство началось в 70-х годах X в. при князе Гезе и завершилось в начале XI в. при короле Стефане I, то становится ясным, что кирилло-мефодиевский славянский (древнеболгарский в своей основе) литургический язык едва ли смог участвовать в формировании христианской терминологии венгерского языка.

Венгерская христианская терминология, как известно, является разнородной по своему происхождению. Имеются в ней элементы лексики дохристианского культа, как напр. isten 'бог' и ördög 'дьявол', заимствования из разных языков, прежде всего из славянских (о них пойдет речь ниже), а также из древневерхнемецкого, как напр. pünkösöd 'Троицын день' и püspök 'епископ', из итальянского, как напр. esperes 'протоиерей' или прямо из латыни, как напр. templom 'храм', evangélium 'евангелие' и ряд других терминов, как собственно латинских, так и заимствованных латинским языком из греческого, но попавших в венгерский язык явно через латинское посредство (см. (ЭСВ)).

Среди древних заимствований первое место по количеству занимают несомненно заимствования из славянских языков. Это обстоя-

тельство свидетельствует о том, что для первых миссионеров, откуда они ни исходили, венгерский языковой коллектив был доступен скорее всего через славянское языковое посредничество, что - имея в виду венгерско-славянский этнический симбиоз в Карпатском бассейне после приобретения здесь венграми новой и окончательной родины в 896 г. - не вызывает удивления. Это посредничество в случае западной миссии имело словенский и/или кайкавско-хорватский характер. Сюда относятся такие слова, как напр. arása 'монахиня' (ср. хорв., слов. opatica), malaszt 'благодать' (ср. хорв., слов. milost), pokol 'ад' (ср. хорв. paкао, кайкавско-хорв. pekel, слов. pekel) и много других (см. Кн., (ЭСВ); ср. Дьёрфи 1984, стр. 731).

Несмотря на то, что окончательную победу в Венгрии одержала западная миссия, в результате которой при Гезе и Стефане I венгерское христианство прочно вошло в сферу влияния римской церкви, венгерская христианская терминология сохраняет донныне ряд важных терминов, восходящих к терминам, бытующим в языках славян, принадлежащих к православной церкви, и неизвестным славянам-католикам.

Древность этого православного славянского слоя венгерской христианской терминологии не вызывает сомнений: эти слова должны были быть прочно усвоенными элементами венгерской лексики до начала западной миссии, так как в противном случае они были бы заменены словами, обычными в языках славян-католиков. Таким образом, этот слой славянских заимствований в венгерском языке с уверенностью можно отнести к X веку. Сюда относятся такие слова, как напр. kereszt 'крест' (ср. др.-болг. крѣсть, болг. крѣст, серб. крст, русск., укр. крест), pap 'священник' (ср. др.-болг. попъ, болг., серб., русск. поп, укр. піп), szombat 'суббота' (ср. др.-болг. сѣбота, болг. сѣбота, серб., укр. субота, русск. суббота), zarándok 'паломник' (ср. др.-болг. страньникъ; русск.-цсл. страньникъ, русск. странник из др.-болг.) (см. Кн., (ЭСВ) ср. Дьёрфи 1984, стр. 684).

Дискуссионными являются вопросы, связанные с конкретными путями проникновения этих заимствований в венгерский язык, т.е. культурно-исторический фон заимствования этих терминов, а также определение непосредственного источника заимствования. Иштван

Книежа в своем этимологическом словаре славянских элементов венгерской лексики (Кн.) ограничивался обычно констатацией, что эти слова были заимствованы венгерским языком из языка одного из православных славянских народов, указывая на соответствующие формы в древнеболгарском, в церковнославянском русской и сербской редакций, в русском, украинском, болгарском и сербском языках; только в случае венг. zarándok высказался он определенно в пользу заимствования венгерского слова из древнеболгарского. Иштван Книежа при этом категорически отрицал возможность какого-нибудь воздействия древнеболгарского книжного языка (древнецерковнославянского в его терминологии) на венгерскую лексику (см. Кн., стр. 121, 175). Однако, учитывая сказанное о хронологии этих слов в венгерском, мы должны прийти к выводу о том, что также в случае других перечисленных выше слов самым вероятным передатчиком был древнеболгарский, поскольку во время крещения Руси (988 г.) в Венгрии уже развернулась западная миссия, а в X веке с сербами венгры еще не имели непосредственных контактов. Поэтому Оскар Ашбот в свое время рассматривал все эти слова наравне с другими древнеболгарскими заимствованиями венгерского языка как результат болгарско-венгерских пограничных языковых контактов (Ашбот 1893; 1907). Янош Мелих в свою очередь подчеркивал принадлежность этих слов к церковной терминологии и возводил их к древнеболгарскому книжному языку (древнецерковнославянскому в его терминологии), не обосновав, однако, в каких конкретных обстоятельствах такое влияние могло иметь место (Мелих 1903-1905).

Таким образом, в венгерском языке имеется ряд древних христианских терминов, которые по хронологии и по культурно-историческим соображениям могут быть только древнеболгарскими по происхождению, но они не могут быть заимствованными из древнеболгарского книжного языка, так как древнеболгарский литургический язык перестал функционировать в Паннонии задолго до пришествия венгров. Как преодолеть это противоречие?

Древний православный пласт венгерской христианской терминологии естественнее всего связывать с византийской миссией к венграм в середине X века, как это и делается в работах венгерского историка Дьёрдя Дьёрфи (Дьёрфи 1972; 1983, стр. 48; 1984,

стр. 684). Основным источником по этой миссии является хроника Иоанна Скилицы (вторая половина XI в.), согласно которой константинопольский патриарх Феофилакт (933-956 гг.) в связи с крещением венгерского вождя Дьюлы в Константинополе (это событие датируется 953 г., см. Дьёрфи 1984, 682-683) поставил в епископы Венгрии монаха Иерофея, который, прибыв к венграм, обратил многих венгров в христианство (см. Моравчик 1984, стр. 85).

Развивая мысль Дьёрдя Дьёрфи, можно сделать вывод, что православный слой венгерской христианской терминологии имеет древнеболгарский характер не потому, что византийская миссия имела успех прежде всего в юго-восточной Венгрии (на территории вождя Дьюлы), т.е. на территории, которая раньше (до пришествия венгров в 895 г.) входила в состав Болгарии и для которой можно предположить болгарское (как протоболгарское, т.е. тюркское, так и славяноболгарское) население во время вторжения венгров в Карпатский бассейн, а потому, что греческие миссионеры, прибывшие к венграм в сопровождении епископа Иерофея ок. 953 г., распространяли христианскую веру среди венгров при помощи древнеболгарского (разговорного) языка, которым владели греческие миссионеры (или часть их), т.е. в качестве языка-посредника между греками и венграми выступал и в данном случае славянский язык, точно так же, как и позже в случае западной миссии между немцами и венграми. Разница заключалась только в том, что на территории епископства в центре в городе Пассау можно было найти и отправить к венграм священников, знавших словенский или кайкавско-хорватский, а в Византии имелись священники, говорившие на славяноболгарском. Таких билингвов можно было найти легче всего на территориях со смешанным - греческим и славянским - населением, не вошедших в состав 1-го Болгарского царства, а оставшихся в пределах Византийской империи. Эти билингвы могли вообще не знать славянский литургический язык, созданный их соотечественниками - Константином-Кириллом и Мефодием - 90 лет тому назад, могли быть совершенно не знакомы с древнеболгарской грамотой, но они говорили на том же славянском диалекте, который был положен в основу этого литургического языка Константином-Кириллом и Мефодием, т.е. они были знакомы с разговорным субстратом первого литературного языка славян. В подтверждение сказанного мне хотелось бы

обратить внимание на несколько слов славянского происхождения, входящих донныне или входивших раньше в венгерскую христианскую терминологию, которые могут быть заимствованными только из языков православных славян.

Венг. karácsony 'рождество', засвидетельствованное в памятниках венгерского языка начиная с 1211 г., восходит к славянскому источнику, который известен в древнерусском - корочюнь 'пост перед рождеством' (ДРС), в русских диалектах - карачун 'солнорот, день 12 декабря, Спиридоньев день' (Даль²), а также в болгарских диалектах - крачун 'народен празник по летен или зимен кръговрат на слънцето: някъде 8-21 юни, а другаде Бъдни вечер' (БЕР); исходным значением предполагаемого праславянского *korčunь могло быть скорее всего 'солнцеворот', как летний, так и зимний. Поскольку в венгерском языке слово karácsony изначально входит в церковную терминологию в качестве названия христианского праздника 'рождество Христово', оно едва ли могло быть заимствованным из древнерусского корочюнь в значении 'зимний солнцеворот' и потом уже в венгерском превратиться в название христианского праздника независимо от этимона (вопреки мнению А.М. Рота, см. Рот 1973, стр. 252-253). Заимствованию из древнерусского противоречит и наличие в венгерском старых вариантов kracsun, kracson (Кн., ЭСВ). Знаменательно, что болгарское диалектное крачун в значении 'рождество Христово', т.е. в значении, точно соответствующем значению венгерского слова karácsony, засвидетельствовано как раз в юго-западных болгарских диалектах на территории Греции и Албании (ЭСВ). Не может быть случайным, что в румынском crăciun обозначает также 'рождество Христово'. Поскольку венгерская христианская терминология не испытывала никакого влияния со стороны румынской (Кн., стр. 254), венгерское слово не может быть заимствованным из румынского; но поскольку румынская церковь в средневековье подчинялась охридскому епископству (см. Книжа 1943, стр. 32), вполне возможно, что венг. karácsony и рум. crăciun заимствованы параллельно из того же югозападноболгарского (македонского) источника.

Венг. hála 'благодарность' в принципе может восходить к любому славянскому языку, в котором праславянское *chvala имеет наряду со своим общеславянским значением также значение 'благо-

дарность', т.е. к словенскому, сербохорватскому или древнеболгарскому. Венг. hála, однако, входит в устойчивое сочетание há-lát ad 'благодарить' (буквально: "хвалу /= 'благодарность' / да/ ва/ть"), которое в венгерском употребляется доныне почти исключительно только в религиозном контексте (в других контекстах употребляется глагол köszön 'благодарить'). Этот фразеологизм из современных южнославянских языков имеет точные параллели только в языках южных славян, давно соседящих с венграми - в кайкавско хорватском и словенском, в которых соответствующий фразеологизм hvalu dati является скорее всего калькой с венгерского (ср. Кн.). В венгерской этимологической литературе - насколько мне известно - не учтено еще, что венгерский фразеологизм há-lát ad 'благодарить' имеет точное соответствие в древнеболгарских евангельских текстах: хвалъ възда(на)ти 'благодарить'. Учитывая древность (в памятниках отмечается с XIV в., см. (ЭСБ) и явно церковное происхождение фразеологизма há-lát ad в венгерском (вопреки мнению Иштвана Книежи, см. Кн.), а также несоответствие с латинским выражением gracias ago, встречающимся в латинском переводе Нового завета в соответствующих местах, я склонен видеть в венгерском выражении há-lát ad полукальку древнеболгарского выражения хвалъ възда(на)ти, а в существительном hála - заимствование из древнеболгарского хвала 'благодарность' (вопреки мнению составителей (ЭСБ).

Показательно в данном отношении и происхождение венгерского слова pitvar 'сени', которое в настоящее время является термином народной архитектуры, но впервые засвидетельствовано в явно религиозном контексте rokol pitvara "преддверие ада" (ок. 1300 г., см. ЭСБ), что однозначно указывает на то, что это ныне народное венгерское слово первоначально входило в церковную терминологию (ср. Кн.). Венг. pitvar было заимствовано из славянского притворь, которое принадлежало несомненно к разговорному субстрату древнеболгарского книжного языка, так как притворь в древнеболгарском представляет собой народно-этимологическое переформление среднегреческого πραιτωριου, заимствованного в свою очередь из латинского praetorium (Кн., ЭСБ). Как известно, наряду с формой притворь в древнеболгарских памятниках засвидетельствован и вариант преторь (С.-А.); из двух вариантов именно

притворъ, к которому и восходит венг. pitvar, является несомненно народным, изустным заимствованием из среднегреческого.

Приведенные примеры указывают на то, что православный слой венгерской христианской терминологии был заимствован из того же славянского диалекта, который лег в основу древнеболгарского книжного языка, созданного солунскими братьями Константином-Кириллом и Мефодием во второй половине IX века. Таким образом, мне представляется, что этот древний слой венгерской лексики не имеет, правда, непосредственного отношения к кирилло-мефодиевскому книжному языку (такому предположению противоречат исторические факты), но имеет прямое отношение к диалектной базе этого книжного языка (такое предположение подтверждается как историческими, так и лингвистическими показаниями). Думается, что дальнейшие исследования в этой области, осуществляемые совместными усилиями историков болгарского и венгерского языков, были бы очень перспективными и позволили бы вскрыть роль древнеболгарского как языка-посредника - проводника византийской культуры - не только в славянском мире IX-XI веков, но и в смежных с ним областях.

ЛИТЕРАТУРА

- Ашбот 1893: Asbóth O., A szláv szók a magyar nyelvben. Budapest, 1893. - Értekezések a Nyelv- és Széptudományok köréből, XVI/3.
- Ашбот 1907: Asbóth O., Szláv jövevényszavaink, I. Bevezetés és a különböző rétegek kérdése. Budapest, 1907. - Értekezések a Nyelv- és Széptudományok köréből, XX/3.
- Дьёрфи 1972: Györffy Gy., A magyar kereszténység kezdetei. - Élet és Tudomány 27 (1972), 608-612.
- Дьёрфи, 1983: Györffy Gy., István király és műve. 2. kiadás. Budapest, 1983.
- Дьёрфи, 1984: Magyarország története I/1-2. Előzmények és magyar történet 1242-ig. Főszerkesztő: Székely György. Szerkesztő: Bartha Antal. Budapest, 1984. (Цитиру-

ются разделы, написанные Дьёрдем Дьёрфи)

- Книжа 1943: Kniezsa St., Siebenbürgen zur Zeit der Landnahme und die Ansiedlung des Ungarntums. - Siebenbürgen und seine Völker. Herausgegeben von Elemér Mályusz. Budapest-Leipzig-Milano 1943, 19-35.
- Мелих 1903-1905: Melich J., Szláv jövevényszavaink. I/1-2. Budapest, 1903-1905.
- Моравчик 1984: Az Árpád-kori magyar történet bizánci forrásai. - Fontes Byzantinae historiae Hungaricae aevo ducum et regum ex stirpe Árpád descendentium. Összegyűjtötte, fordította, bevezetéssel és jegyzetekkel ellátta Moravcsik Gyula. Budapest, 1984.
- Рот 1973: A.M. Rot, Венгерско-восточнославянские языковые контакты. Budapest, 1973.
- БЕР: Български етимологичен речник. Редактор Вл. И. Георгиев, I. София, 1971.
- Даль²: Толковый словарь живаго великорусскаго языка Владимира Даля. 2-е издание, Санкт-Петербург-Москва 1880-1882.
- ДРС: Словарь русского языка XI-XVII вв. I-. Москва, 1975.
- Кн.: Kniezsa I., A magyar nyelv szláv jövevényszavai. I/1-2. Budapest, 1955.
- С.-А.: Linda Sadnik und Rudolf Aitzetmüller, Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg's Gravenhage, 1955.
- ЭСВ: A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Főszerkesztő: Benkő Loránd: I-IV. Budapest, 1967-1984.